

Вечерняя Москва "№ 168
гор. Москва. 1927, 27 июля

ТЕАТР СОВРЕМЕННОЙ БУФФОНАДЫ

Есть ли во всем этом — «буффонада» да еще «современная»? Разрешите категорически ответить — нет. Ни того, ни другого.

Ну, какой такой «современный» водевиль — то, что сочинил Адуев, музыку написал Гурвич и носит название «Весы для взвешивания лиц, уважающих свое здоровье»? В водевиле допрел всего — смех. Но там, где не улыбнешься, где томительно ждешь начала, какого-то удела, а потом, утративши веру в начало, в таком же томлении ждешь конца, — это, простите, не водевиль, а сплошное недоразумение. Правда, по поручению автора, и по навившей оскомину традиции, исполнители под занавес, — «взгляните за ручки», просят снисхождения, за «первую робкую попытку». Но такие попытки, как данная, надо пресечь, и в снисхождении отказать. Как ни придирайся, а это самая подлинная и лишь слегка перелицованная «теща», к тому же весьма дешевой изделки.

Исполнители, во главе с Алексеевым, видимо, стояли на такой же единственно правильной точке зрения и не пытались спасти тонущего автора, чувствуя, что сие дело безнадежно. Как в известном анекдоте: «не теряйте, кума, силы, опускайтесь на дно!».

Гвоздь программы — Утесов. Какой это талантливый человек и как мало ценит он свой талант, как тянет его куда-то к предельной пошлости. И почему этот эстражник с головы до ног так стремится уйти от эстрады и обставить свои выступления непременно «от театра»? Хотя бы этот ужасный «Омоложенный Мендель Маранц». Какая чушь, какой скверный

запах, блаженной памяти, сквернейших «миниатюр».

Но вот тот же Утесов берется за набор инструментов для джаз-банды и один начинает играть на всех. И сразу перед вами другой Утесов. Утесов — эстражник. Вы сразу попадаете во власть этой исключительной музыкальности, этой лиричности и гротеска малых музыкальных форм. Или то, что Утесов разделявает, дирижируя эксцентрическим хором. Он жонглирует звуком, он оставляет его где-то в воздухе, а потом как хочет берет его «с руки», там где оставил. Или эта поемь французской песенки с какой-то уморительно-диамичной, почти осязательно-звуковой тарабарщиной. Это уже другой Утесов, не тот, который за минуту до того раздражал вас непреходимой банальщиной. Утесову репентально недостает той культуры жанра, того хорошего чутья, которое избавило бы его от густого налета «маранцовщины» и могло поставить в первые ряды эстрадной эксцентрики в лучшем смысле слова. Жаль: данные Утесова совершенно исключительны.

А вот и истинная улыбка культурной эксцентрики, подлинного хореографического мастера — танец талантливой А. Редель. Мне уж пришлось отмечать ее исключительное дарование к работе по экзаменационному спектаклю Техникума им. Луначарского. Поневолу ставишь вопрос балетмейстерам нашим, так любящим говорить о «смене» и «молодыжке» — почему Редель в «фанерном» театре «Эрмитажа», а не на балетных подмостках Большого? Какие «умирающие лебеди» этому препятствуют?..

Э. М. БЕСКИН